

## Письмо землякам и воспоминания о военном времени

**24** МАЯ 1985 г. научный сотрудник литературно-мемориального музея Ал.Алтаева в Логу Галина Жубрицкая опубликовала в плюсской районной газете "Светлый путь" письмо Маргариты Владимировны Ямщиковой (Ал.Алтаева) Павлу Ивановичу Андрееву, уроженцу Лога, другу писательницы, участнику войны, учителю, впоследствии директору народного музея Ал.Алтаева. Письмо датируется 9 декабря 1944 г., написано под впечатлением рассказов Ольги Константиновны Гориневской,<sup>1</sup> которая посетила в Москве тяжело больную писательницу.

Повторяем публикацию письма, своеобразным комментарием к которому могут послужить фрагменты из мемуаров Ал.Алтаева "Гдовщина".<sup>2</sup> Уточняя жанр "Гдовщины" в письмах к Н.Я.Берковскому<sup>3</sup> и А.П.Остроумовой-Лебедевой<sup>4</sup> в 1955 г., Маргарита Владимировна называет мемуары "Хроникой за 59 лет в образах и рассказах". Главы о войне, видимо, были написаны в последние годы жизни по записям, сделанным непосредственно после событий.

\* \* \*

9 декабря 1944 года.

Дорогие мои обитатели милого домика, где жил когда-то Андрей Родионович<sup>5</sup> и где теперь живет забывший меня дружок Оличек.<sup>6</sup> Пишу всем вам, что помню вас, тронута вниманием, люблю, как люблю все, что давало мне тепло на безгранично любимой милой земле Лога,<sup>7</sup> что хочу всех видеть, наговориться до света и окунуться в старую милую легенду, где я была так счастлива...

Теперь нам всем трудно, но давайте верить, что мы дождемся того времени, когда наша земля вместе с отродившимися яблонями улыбнется нам счастьем, что к Оле Гориневской вернется ее Коля,<sup>8</sup> а к двум сестрам Кате и Тоне<sup>9</sup> их мужья.

Но пока что мне хотелось бы во имя старого прошлого, во имя старой дружбы (а она была у меня большая с Андреем Родионовичем и Федотом<sup>10</sup>), чтобы вы все спаялись, логовские. Мне больно думать, что Ольга так одинока в своем большом доме,<sup>11</sup> и мне хотелось бы, чтобы Пуша<sup>12</sup> подошел к ней как брат,

---

*Вступительная заметка, публикация и комментарий М.А.Кузьменко, редактора Псковского музея-заповедника.*

а остальные как сестры и жили бы в это тяжелое время одною жизнью. Как бы я была счастлива это слышать! Ведь вы все для меня свои, вековечные...

Неужели мы никогда не увидимся? Неужели быт не даст мне приехать. Я ведь теперь стала старая, - мне 72 года...

И я вас прошу: поберегите одинокую Олю. В войну люди или звереют, или делаются с широкими чудесными сердцами.

Я сейчас окончила большую работу о Глинке<sup>13</sup>, сдала и пишу Вам, а то не было минуток свободных, ложилась уже утром, - был жесткий срок сдачи.

В этом году 55 лет моей литературной деятельности,<sup>14</sup> и я рада, что все еще могу работать пером. Только бы не сделаться слабоумной или слепой. Это хуже смерти.

Целую Вас всех крепко, как милых родных, и желаю всего хорошего. Особенно целую детей, теперь ведь пятерку! Жду от Пуши и Олика писем.

Ваша Алтаев.

\* \* \*

### ГДОВЩИНА ЛОГ ОСИРОТЕЛ.

Как ни рвались наши с Люсей сердца в Лог, своими глазами увидеть, что случилось с "родиной наших душ", после двадцати девяти месяцев оккупации, мы не в силах были этого сделать. Семьдесят лет мои давно миновали, а тревоги, потери, волнения военных годов сказались. Многие из моих сверстников, уехавших в эвакуацию, так и не вернулись в Москву. Наш временный нарядный эксплуатационный номер, с коврами и ванной, при бомбежках порой настезь распахивал свои не замазанные на зиму окна.<sup>15</sup> И, вместе с лютым морозом 41-го года и вихрем метели, к нам на кровати вываливались целые сугробы снега... Чтобы немного согреть нарядное помещение, мы наливали ванну кипятком, и к утру охлажденный ночными часами пар ложился влажным налетом на нас, на одежду, на ковер, на мебель.

Меня годами не покидали приступы воспаления легких, приняв нудную форму "ползучей" пневмонии. Доктора не верили в возможность моего выздоровления. Они стали обращать внимание уже и на Люсю,<sup>16</sup> мою единственную в те месяцы опору, ставшую, по ее меткому определению, "обмылком" бывшей актрисы. Уход за мной, сложный быт того времени, Шелепиха<sup>17</sup> - все лежало на ее плечах. В конце концов, она получила нервный парез правой руки.

А я до того была слаба, что, когда мне принесли из печати сигнальный экземпляр моей долгожданной книжки "Памятные встречи",<sup>18</sup> я не смогла ее просмотреть. Книга выпала из пальцев и долго пролежала под кроватью.

И вот Ольга, испугавшись, что я умираю, с большими трудностями пробралась в Москву, чтобы повидаться, а может быть, и проститься со мною.

Стоит рассказать об этой поездке более подробно. Добраться из Лога в Метрополь было почти невозможно. Пропусков и билетов на железные дороги достать не удавалось. И даже, имея чудом билет, нельзя было пробраться в вагон. Кое-как доехав на замученной за голодную зиму лохматой лошаденке до Струг Красных, Ольга получила в билетной кассе категорический отказ. Но,

увидев милиционера, сопровождавшего партию арестованных в Псков, она в один момент приняла смелое решение. Подошла к стражу порядка и попросила:

- Пожалуйста, возьмите меня в прибавку к своим арестованным.

Милиционер удивленно покосился на нее:

- Мне не поручено брать вас под стражу, гражданка.

- Нет, нет!.. Только для вида... Поймите, у меня умирает в Москве мать, а мне не дают билета... Только бы добраться как-нибудь до Пскова, а там я постараюсь добиться билета. Очень прошу вас... С вами меня пропустят в вагон и без билета.

У милиционера, видимо, оказалось человеческое сердце, и он позволил свободной гражданке стать в ряды арестованных. Таким образом, Ольга смогла занять, наконец, место в вагоне, рука об руку с партией арестованных.

В Пскове она рассталась со своими товарищами-правонарушителями и с вокзала прямехонько направилась в НКВД, где добилась свидания с начальником. И здесь с горячей убедительностью повторила то, что говорила милиционеру:

- У меня умирает в Москве мать, а я не могу получить билета... Очень, очень прошу вас дать мне пропуск к начальнику станции. Он, я уверена, не откажет мне в билете.

С пропуском из НКВД Ольга вернулась на вокзал и вымолила там железнодорожный билет до столицы.

И вот Ольга стоит у моей кровати, рядом с Люсей, полная страха и безнадежности. Мне очень плохо, но воспаление легких не отнимает сознания. И постепенно я узнаю из ее рассказов вполголоса Люсе все, что произошло и происходит в дорогом нашем краю. Тихо, уныло, однотонно звучал ее голос, приглушенный почти до шепота и, как реквием, доносившийся до моего уголка за занавеской, в котором я лежала уже много месяцев:

- Тетя Соня умерла.<sup>19</sup> Конец ее был трагичен для нее. Она давно уже ненавидела меня, - считала виновницей гибели Мити.<sup>20</sup> И забыла, как сама была жестока с несчастным. Даже не продала мне, как я ни умоляла, одеяла, когда его арестовали в 37-ом году.

- Да... да... скупость, болезненная скупость, - пробормотала Люся. <...>

<...> - Когда пришли немцы, она перебралась к ним в Ляды. В этих чужих, наводивших ужас на население, людях она искала опору, прося взять ее под свое покровительство. Она твердила им, что ненавидит большевиков, что она близка немцам по крови, потому что по рождению она - Мейен, скрыв, конечно, что Мейены - выходцы из Голландии, а не из Германии. А что мать ее из старого исконного дворянского рода Бабиных. Она с удовольствием утопила бы меня перед немцами в ложке воды, но терялась, как им представить меня приверженной коммунизму, когда у меня муж арестован, как враг русского правительства... Она хорошо знала немецкий язык, и это ей помогло. Немцы взяли ее в Ляды, где был их районный пункт, и оказали ей покровительство.

- А ты? - перебила ее Люся. - Как они отнеслись к тебе?

- Это все я расскажу, но сначала кончу о судьбе тети Сони.

Конец ее оказался трагическим. Она надеялась, что победители навсегда укрепятся в нашем краю, но вышло иначе. Когда немцы стремительно снялись с

насиженного места и бежали, настало иное житье, - пришла регулярная Красная Армия. Но пока устанавливался порядок, успели похозяйничать, под видом "партизан", бандиты, те, что сожгли Федора Шубина<sup>27</sup> с женою и маленьким сынишкой. Они-то, тем более, не церемонились с ней и на ее глазах стали грабить ее, - отнимать те сокровища, которые она с такою страстью копила: забрали вещи, деньги, продукты... А она лежала, не в силах пошевелиться, и умерла, без помощи, слабая от жажды и не будучи в состоянии налить себе кружку воды. У меня ничего не осталось на память о семье Гориневских. После ее смерти, зная ее ненависть ко мне, все, что было брошено бандитами, как хлам, почему-то очутилось у Кати Тимоновой, как у представительницы дружественной ей семьи Андреевых. И теперь в альбомах Кати можно увидеть карточки с детства мне близких людей. Тетя Соня, действительно, как акушерка, когда-то спасла Катю от смерти и много раз оказывала ей помощь, когда она заболела. Вот и все о кончине этой несчастной и ненормальной старухи.

- А ты? - снова спросила Люся.

Длительный вздох был ей ответом.

- Я?.. - протянула Ольга безнадежно. - Обо мне рассказ длинный, сложный и тяжелый... Видишь, я жива и, как прежде, учительствую... Много пережито страшного, чудовищного и как будто невыносимого. Но человек удивительно, оказывается, вынослив. Немцы во время оккупации сразу стали вводить свои порядки: упразднили колхозы, восстановили единоличное хозяйство. И на первых порах даже стали раздавать населению скот, награбленный в других сожженных и разрушенных деревнях. Они хотели, вероятно, сначала подкупить крестьян. Назначили своих старост и своих "полицаев". Подумайте, один из наших бывших соседей, Родионовых, потомков "Ваньки Родькина" - Ратмир, молодой парнишка, добровольно предложил себя в "полицаи". Немцы приняли и за школы. Привезли свои учебники на русском языке, - один я захватила сейчас, показать вам. Посмотрите. Интересный исторический документ.

Она вынула из чемодана хрестоматию для младших классов. Мы с интересом разглядывали ее, - даже я приняла некоторое участие в просмотре вражеской школьной литературы.

Учебник отличался от наших введением религиозного элемента. Там встречались популярные в восьмидесятые годы стихи:

Лысый с белой бородою...

.....

Просит он на Божий храм...

- Конечно, "божий" напечатано, как встарь, с большой буквы.

Или еще:

Колокол к вечерне

Христиан зовет, -

Завтра воскресенье, -

Отдых от работ.

К нашему удивлению, в хрестоматии ничего не было о Германии, о "победителях-немцах". На одной из первых страниц промелькнул, правда, давно опротивевший уже по карикатурам портрет Гитлера, и только.

Но любовь к родине, вернее, к родной природе, воспевалась. Преобладали стихи Пушкина, Лермонтова, Тютчева. Казалось, составители хрестоматии выкопали старые дореформенные учебники, слегка переиначили их и пустили в ход.

И школа начала работать по таким учебникам. Ольга, серьезно рискуя при наличии в Лядах ненавидящей ее свекрови, отказалась остаться в числе школьного персонала. И, по правде сказать, для меня до сих пор является загадкой, как она не подверглась за это каре агрессоров.

Но, тайно от оккупантов, она стала "подпольной" учительницей школы в Межнике, основанной межницким населением на собственные гроши. Какими пособиями она пользовалась в то время, не знаю. Думаю, что тут было не без собственного сочинительства. На это меня наталкивает хранящийся у меня до сих пор букварь с неумелыми украшениями собственной Ольгиной композиции.

Жилось Ольге беспокойно, под неусыпным оком соседа - "полицая" - Ратмира Родионова, захватившего с семьей наш Маленький домик.<sup>22</sup> Их собственный дом давно снесли, как "раскулаченный". Ольга умудрялась давать даже приют у себя партизанам. Они иногда заходили в Большой дом из лесных глубин, чтобы отдохнуть, перекусить, набраться сил и узнать, что делается в округе.

Но однажды в Большом доме нашел приют и немецкий солдат - дезертир, бежавший, куда глаза глядят, в чужой стране. В Лядах знали, что у Ольги дочь в Берлине,<sup>23</sup> и, очевидно, среди немцев не все были звери. Кто-то из немецких солдат, кого отпускали на побывку на родину, в Берлин, предложил ей разыскать там дочь. В срок он вернулся обратно в Ляды с коротенькой запиской от Ксани. Он пронес послание за подкладкой шинели, как и маленькую съестную посылочку. Немец мог поплатиться за этот акт человеколюбия собственной головой.

Ольга рассказала нам и о знаменательной встрече в те страшные дни с Большовым,<sup>24</sup> который за год до войны побывал в Логу, как ярый его враг. Время открыло ему глаза.

- Это произошло удивительно! - говорила она. - Представьте: вечер. Сидим с Колей в кухне, и вдруг стук прикладами во входную дверь, стук торопливый, решительный. У меня задрожали руки, - чуть не выронила тарелку. Коля побледнел, как смерть. Прежде, чем мы что-нибудь сообразили, в кухню ввалился отряд вооруженных до зубов партизан. И среди них - Большов, грозный и непреклонный, как нам показалось... Коля бросился к ним, загораживая меня, и, как безумный, закричал:

- Не трогайте ее!.. Она хорошая.., хорошая!..

И вдруг - спокойный, приветливый голос Большова:

- Коля, Коля, полно! Что ты?.. Я пришел к вам с товарищами, чтобы согреться, отдохнуть...

- Ах, какой это был добрый, задушевный тон, если бы вы слушали!..

В одно мгновение на стол было выставлено все, что имелось в запасе. А потом пошло устройство партизан в подвале, куда Коля набросал сена, чтобы им было теплее и мягче хоть немного поспать после еды.

- И я не удержалась, заметила тогда Большову: "Вот видите, этот дом,

который вы так добивались сравнить с землею, пригодился-таки и для вас с товарищами...” Сам он так и просидел всю ночь у стола, подперев голову рукой. А уходя, сказал мне очень сердечно: “Спасибо. Я ошибался в вас. Простите. Даю вам слово, если останусь жив, то добьюсь освобождения и возвращения к вам вашего мужа <...>”

<...> Большов - герой Отечественной войны - не остался жив. В одной из стычек с немцами, когда кто-то из трусливого населения выдал партизан, Большов застрелил негодяя, но был окружен немцами. И ему пришлось тут же покончить с собою, чтобы не доставаться врагу.

И Митя Гориневский так и не вернулся в Лог, реабилитированный через восемнадцать лет, после ареста.

- Большов был хороший человек, - закончила Ольга проникновенно. - Он крепко любил родину, ненавидел захватчиков... Но я все-таки не могу огульно называть всех немцев злодеями. И у некоторых из них проглядывало порой среди общей жестокости высокое чувство человечности. Доказательством тому является рождение у Кати Тимоновой дочки Лёли.

- Что, ты говоришь, немцы сделали для Кати Тимоновой? - спросила удивленно Люся.

- О, это история еще первого года войны!.. Вы знаете, что роды для Кати представляют смертельную опасность. Первого ребенка она родила мертвым, чудом оставшись жива сама. Летом в 41-м они с мужем, Николаем Петровичем, ездили в Ляды консультироваться. Немецкий военный врач подтвердил прежние диагнозы русских специалистов и рекомендовал не оставаться без медицинской помощи. И, когда придет срок, поехать в Псков. Но какая медицинская помощь, да еще акушерская, когда идет война? Все же в середине октября они снова поехали в Ляды за пропуском на проезд в Псков по железной дороге. Благополучно добрались до Пскова. Комендант города чуть ли не лично провел беременную в больницу. Там она пролежала целый месяц, пока ей не сделали кесарево сечение, вручив крошечную, как дюймовочку, дочку. Но новый комендант уже не дал счастливым матери и отцу, который этот месяц провел у знакомой в Пскове, обратного пропуска в Лосицы, а заявил Николаю Петровичу:

- Достаньте лошадь и отвезите жену и новорожденную домой помимо железной дороги. Никаких пропусков!

И счастливый отец пошел пешком из Пскова домой, привел телегу с лошадью и еще Тоню Андрееву, в помощь совсем ослабевшей Кате. Так они еле доползли до Лога, где все еще были и живы, и здоровы.

- Судя по твоим рассказам, - сказала вдруг Люся, - можно подумать, что в нашу “Гдовщину” специально были посланы отряды немцев-ангелов. Никаких Треблинок, Бухенвальдов, Освенцимов, - ничего, что досталось на долю Украине и Белоруссии, не говоря уже о других народах.

- Да, представь себе, Катя до сих пор говорит: “Как мне относиться к немцам, убившим моего мужа и давшим мне счастье материнства?”

- Чудеса!.. А когда убили у нее Николая Петровича?

- В апреле 44-го года, когда немцы уже убегали из Пскова, после русской мобилизации. А моего Колю... вернее, когда от него перестали приходить письма,

- в марте того же года. Она получила похоронную. А я - ничего... ни слова.

В ее интонации прозвучали давние старые ноты жалобы на несправедливость к ней судьбы.

Люся, точно угадав, обратилась к ней с дружеским утешением:

- Значит, у тебя все еще есть какая-то надежда?.. А у нее - уже точно?

- Ах, но Коля был такой молодой!.. - вырвалось у нее со стоном.

Помолчав, она начала снова:

- Когда кончилась война, я решила пойти отыскивать следы Коли под Псков. Рассказывать об этом можно без конца. Я собрала предварительно все данные о том, где и когда под Псковом были бои и сопоставляла, когда имела о Коле последние сведения... не сведения, конечно, а только слухи... Расспрашивала о боях встречных солдат, женщин, у которых были какие-либо известия о стычках с немцами, инвалидов... И все, к кому я ни обращалась, относились ко мне сочувственно. В деревнях приходилось ночевать, и ночлеги были тяжелы: грязь, духота, вши, голод... Но везде радушие, желание помочь, сердечные расспросы... Но никаких результатов, как сквозь землю провалился мой дорогой мальчик. Ни в живых, ни в мертвых, - пропал без вести. Может быть, угнали в Германию, может быть, замучили в какой-нибудь душегубке или сожгли в какой-нибудь печи концентрационного лагеря... Подумать страшно!.. Меня водил туда-то один славный деревенский подросток, и, как взрослый, рассуждал и, как взрослый, оказывал протекцию, направлял и советовал. Но я принуждена была вернуться ни с чем, разбитая вконец... Только с воспоминаниями и мучительными догадками.

Она замолчала, и лицо ее, утомленное и постаревшее, с напряженной морщинкой между бровей было трагично. <...>

### Комментарий

1. *О.К.Гориневская* (1889-1978 гг.), друг, или, как называла ее писательница, "вторая дочь" М.В.Ямщиковой, петербуржанка, блестяще закончившая консерваторию, жена придворного архитектора Царского Села, после революции, расставшись с мужем, переехала с детьми в родительский усадебный дом в д.Лог теперешнего Плюсского района, Псковской области, где прожила до 1967 г., пока смертельно больная не уехала к дочерям в США. Почти 40 трудных лет деревенской жизни: в годы гражданской войны работала секретарем ревкома, размещавшегося в этом же доме; устраивала здесь общежитие для школьников из дальних деревень, учила детей русскому, немецкому, истории в Лосицкой, Лядской, а в годы войны и Межницкой школах. Уезжая в США, дом завещала Плюсскому райисполкому для создания музея Ал.Алтаева, по завещанию же похоронена на Логовском кладбище.
2. *Ал.Алтаев*. Гдовщина. 60 с лишним лет на исконно русской, любимой земле. Машинописная рукопись. // Древлехранилище Псковского музея-заповедника, ф.21 (Ал.Алтаева), д.82.
3. *Н.Я.Берковский* (1901-1972 гг.), ученый-литературовед, состоял в переписке с Ал.Алтаевым с 1952 по 1958 гг. См.: Переписка Ал.Алтаева с Н.Я.Берковским. Псков, 1991.

4. *А.П.Остроумова-Лебедева* (1871-1955 гг.), художник, певец "Северной Пальмиры", города юности Ал.Алтаева, переписывалась с писательницей. Письма Ал.Алтаева к ней хранятся в ГПБ им.М.Е.Салтыкова-Щедрина в фонде художника.
5. *Андрей Родионович Родионов* - выходец из деревни Турец, один из первых жителей Лога, приятель писательницы.
6. *Олик (Олег Андреев)* - сын П.И.Андреева. Маргарита Владимировна очень любила этого мальчику, скоропостижно скончавшегося в 1947 г.
7. "Родиной души" называла писательница эти места Псковщины, куда она приезжала почти каждое лето с 1895 по 1958 гг., исключая военные и первые послевоенные годы.
8. *Коля Бондарь (Гориневский)* - украинский мальчик, усыновленный Гориневскими в 30-е гг., был призван в армию в 1944 перед освобождением Пскова и пропал без вести. См. о нем: Ал.Алтаев "Гдовщина" (другие главы) и "Из писем О.К.Гориневской к М.В.Ямщиковой и Л.А.Ямщиковой-Дмитриевой" // Вестник Псковского Вольного университета, 1995, том 2, №1-3. С.139-142.
9. *Катя и Тоня (Е.И.Тиманова и А.И.Петрова)* - сестры П.И.Андреева; их мужья погибли на фронте.
10. *Федот (Ф.А.Родионов)* - сын А.Р.Родионова, приятель Маргариты Владимировны.
11. *Большой дом* - усадебный дом О.К.Гориневской, русский деревянный ампир, очень похож на Пушкинский в Михайловском, единственный в Псковской области из памятников деревянной архитектуры (гражданской) начала XIX в. С 1967 г. в нем народный литературно-мемориальный музей Ал.Алтаева, с 1980 г. - филиал Псковского музея-заповедника.
12. *Пуша* - ласковое прозвище, идущее с детства, в кругу родных и близких П.И.Андреева.
13. Речь идет о книге Ал.Алтаева: Глинка. 1804-1857. Жизнь и творчество. М. -Л., 1947.
14. В 1889 г. в ж. "Всемирная иллюстрация" в декабрьском номере было напечатано первое произведение Ал.Алтаева - сказка "Встреча Нового года".
15. С 1918 по 1958 гг. Маргарита Владимировна жила в гостинице "Метрополь" в Москве.
16. Людмила Андреевна Ямщикова-Дмитриева (1893-1979 гг.) - дочь Маргариты Владимировны, актриса и литератор (Арт.Феличе). См. о ней: Т.Н.Степанова. Актриса, дочь и соавтор Ал.Алтаева // Труды Псковского музея-заповедника. Псков, 1994.
17. *Шелепиха* - о чем идет речь, пока установить не удалось.
18. Имеется в виду первое издание книги Ал.Алтаева "Памятные встречи", которая вышла в 1946 г. в издательстве "Искусство"; сигнальный экземпляр, видимо, писательница получила раньше.
19. Софья Гориневская - одновременно тетка и свекровь О.К.Гориневской.
20. Дмитрий Гориневский - муж О.К.Гориневской и двоюродный брат, был репрессирован в 1937 г. О жутком состоянии О.К.Гориневской в это время свидетельствуют ее письма к Маргарите Владимировне, хранящиеся в фонде Ал.Алтаева в ЦГАЛИ (ф. 1370). См. о нем также другие главы "Гдовщины".
21. *Федор Шубин* - уроженец деревни Межник, при немцах - староста, после ухода немцев был расстрелян вместе с семьей бандитами, выдававшими себя за партизан. См.: Ал.Алтаев. Гдовщина.



22. *Маленький домик* - флигель дома О.К.Гориневской, купленный Маргаритой Владимировной в 1927 г. для собственной дачи, позже подарен дочерью уроженцу этих мест В.Ф.Родионову. Сейчас на домике мемориальная доска с надписью "Домик детской писательницы Маргариты Владимировны Алтаевой-Ямщицкой (Ал.Алтаева). В нем она жила летом и работала с 1927 по 1958 год".
23. Дочь О.К.Гориневской, Ксения, в 1936 (?) г. уехала в Берлин к отцу для лечения открывшегося туберкулеза.
25. О. Большеве см.: Ал.Алтаев. Гдовщина (другие главы). Будучи райисполкомовским работником, пытался накануне войны выполнить указ о ликвидации хуторов - снести Лог и полуторастолетний усадебный дом. Дом и Лог спасла тогда Маргарита Владимировна, обратившаяся к Жданову.

## Почетный гражданин Пскова



*В ноябре 1995 г. ушел из жизни Борис Степанович Скобельцын - архитектор, реставратор, художник, истинный патриот Отечества, земли Псковской. В 50-е гг. приехал Борис Степанович на Псковщину и остался здесь навсегда. Более 40 лет поднимал из руин, возрождал, воссоздавал по камешку и кирпичику древнюю красоту нашего края - храмы, башни, часовни, усадьбы - все то, что украшает и духовно обогащает жизнь людей.*

*В год 50-летия победы над фашизмом Ученый Совет Псковского государственного педагогического института им. С.М.Кирова предложил представить Б.С.Скобельцына - участника Великой Отечественной войны - к званию "Почетный гражданин г.Пскова", что и было сделано Администрацией города. Это явилось данью уважения и признательности его гражданского подвига. А спустя четыре месяца Бориса Степановича не стало...*

*В декабре 1995 г. опять же Ученый Совет педагогического института вышел с ходатайством перед Администрацией Пскова об установлении на доме № 40 на Октябрьском проспекте, в котором жил Б.С.Скобельцын, мемориальной доски. Она была открыта в апреле 1996 г. - в дни празднования 50-летия псковской реставрации.*

